

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX и XXI вв.**

МЕТАФИЗИКА И.А. БУНИНА

**Межвузовский сборник
научных трудов**

Выпуск 2

**Воронеж
2011**

УДК 821.161.1 Бунин. 06 (082)
ББК 83.3 (2Рос = Рус) 6-4 (Бунин)
М54

Редакционная коллегия:
проф. Никонова Т.А. (науч. ред.),
проф. Бердникова О.А. (отв. ред.),
доц. Алейников О.Ю., ст. лаб. Власова Г.А.

Метафизика И.А.Бунина: Сборник научных трудов, посвященный творчеству И.А. Бунина. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – Вып. 2. – 199 с.
ISBN 978-5-4292-0027-9

Предлагаемый сборник научных статей суммирует работу двух (2009-2010 гг.) Бунинских мастерских – ежегодного семинара, проводимого кафедрой русской литературы XX-XXI веков ВГУ по изучению поэтики писателя. Он объединяет работы отечественных и зарубежных буниноведов, рассматривающих поэтику произведений И.А. Бунина в свете метафизической проблематики.

Для исследователей творчества И. Бунина, студентов-филологов, преподавателей-словесников и для всех, интересующихся историей русской литературы XX века.

ISBN 978-5-4292-0027-9

9 785429 200279

© Воронежский университет, 2011
© Кафедра русской литературы XX и XXI вв.

2. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева / И.А. Бунин // Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Худ. литература, 1966. – Т. 6. – С. 266. В дальнейшем ссылки на тексты писателя даются по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

3. Бальмонт К.Д. Под новым серпом / К.Д. Бальмонт // Автобиографическая проза. – М., 2001.

4. Баевский В.С. Решение некоторых типичных задач истории и теории литературы с помощью лингвистических, математических и компьютерных моделей / В.С. Баевский // Русская филология. Ученые записки. – Смоленск: СГПУ, 1999. – С. 301-310.

О.Н. Фенчук

Воронежский государственный университет

ПАМЯТЬ И ВОСПОМИНАНИЕ В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» являет собой шедевр не только в области художественного творчества. Философское своеобразие романа заключено во взгляде на реальность, попытке проникновения в онтологические основы действительности. Это произведение выражает стремление автора постичь тайну времени и вечности, человеческой индивидуальности, даёт рассуждения писателя о цели и смысле человеческой жизни, являет собой собственно понимание жизни. Справедливы и вполне применимы по отношению к Ивану Алексеевичу Бунину слова Владимира Сергеевича Соловьёва: «...поэт, всецело предающийся творчеству и, так сказать, переводящий свою внутреннюю жизнь в объективные художественные создания, не только не теряет чрез это, а, напротив, в высшей степени утверждает и полнее осуществляет свою собственную индивидуальность» [1].

Отправной точкой наших рассуждений в обозначенном аспекте станет статья Б.В. Аверина «Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: поэтика воспоминания», которая начинается следующими словами: «Федор Степун, которого Бунин считал «своим лучшим читателем и критиком», писал: «Восторг и печаль, вернее, восторг печали, что сильнее страха смерти, – какой это характерный бунинский мотив – быть может, корень его религиозного восприятия

трагедии жизни и мира. Глубина религиозного сознания (об этом согласно свидетельствуют величайшие мистики всех эпох) всегда связана с предельным углублением памяти. Помня прошлое, внутренне зная тайну «вечной памяти», нельзя не верить в вечность. А что же может быть вечным, кроме Бога? Ничто с такою силою не свидетельствует о подлинной религиозности бунинской музы, как ее связанность с памятью» [2].

Автор исследования даёт подробный и основательный анализ романа в контексте воспоминаний, однако, по нашему мнению, в позиции ученого есть некоторый просчет. Так, Б.В. Аверин считает: «Различение и даже противопоставление памяти и воспоминания в некотором отношении весьма существенно. Дифференциация здесь может быть даже и более сложной. Но антитеза, предложенная Степуном, не кажется нам вполне удовлетворительной. Воодушевляющая его власть памяти над временем изымает память из времени, тем самым лишая память процессуальности. Процессуальность оставлена на долю воспоминания, не высоко котируемого Степуном, — память же истолкована как нечто пребывающее. Такого рода трактовка памяти легко соскальзывает в отождествление ее с неподвижными формами сохранения прошлого. У самого Степуна благодаря религиозному пониманию памяти этого отождествления не происходит. Но опасность его слишком велика, и потому мы не будем пользоваться таким различием. Для нашей темы продуктивнее отождествлять память с воспоминанием, подчеркивая, что не только воспоминание, но и память может быть процессом, становлением, духовной активностью» [2; 652].

Память, как независимый творец человеческого сознания, накапливая информацию, в определённый критический момент преобразует наше восприятие окружающей действительности. Память способна не изменять прошедшее, а удерживать его, лишь будущее в состоянии придавать прошедшему свою оценку и, следовательно, «быть процессом, становлением, духовной активностью», а придаёт памяти эти свойства воспоминание — взгляд с новой, «будущей» позиции. Память вбирает — воспоминание отдаёт. Исследователь философии познания Е.Н. Кучер считает: «Память и воспоминание, из которых «Я» в поисках тождественности черпает свои познания, соотносятся друг с

другом как дихотомическое противопоставление «структура-процесс» [3].

Бунинский взгляд на память во многом тождествен «религиозному пониманию памяти» Ф.А. Степуна. Уже первые строки романа, написанные торжественным церковно-славянским языком, задают особый – возвышенный – тон повествования, настраивая читателя на одухотворённое восприятие текста: «Вещи и дела, аще не написании бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются...» [4]. Позже память героя-повествователя восстанавливает мысли о понимании человеком ограниченности его дней на земле, рассуждения о чувстве «той сокровенной души, которая всегда чудится человеческой душе в мире, окружающем её» (с. 8). Воспоминание о Духовом дне, цитирование Библейских строк, говорит если не о вере, то всё-таки о религиозности, и если не о православных, то всё-таки о христианских взглядах автора-рассказчика. Искренне и безыскусно звучат слова о Боге и бессмертии: «Бог – в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятном синем, что вверху, над нами, безгранично далеко от земли: это вошло в меня с самых первых дней моих, равно как и то, что, невзирая на смерть, у каждого из нас есть где-то в груди душа и что душа эта бессмертна» (с. 23). Божественное для Бунина не мыслимо без вещественного, без постоянного переживания душой предметности и вещественности мира. Только такой взгляд способен передать истинную силу вселенского Духа и подлинную красоту мироздания: «О, как я уже чувствовал это божественное великолепие мира и бога, над ним царящего и его создавшего с такой полнотой и силой вещественности!» (с. 16). Во многом мысли Бунина сближаются с мнением Н.А. Бердяева: «Истоки человека лишь частично могут быть поняты и рационализированы. Личность человека более таинственна, чем мир. Она и есть целый мир. Человек – микрокосмос и заключает в себе всё» [5].

«Жизнь Арсеньева» – роман и памяти, и воспоминаний. События и чувства, пережитые и испытанные некогда героем романа, повторяются в различной интерпретации, мы видим не только работу сознания по воспроизведению прошлого, но и статику хранящейся информации. В романе неоднократно повествователь говорит: «знаю», что само по себе значит «сохра-

няю». Перечисление не конкретных эпизодов и лиц, а некое обобщение хранящейся информации говорит о попытке открыть тайные законы памяти: «Я помню немало таких дней, скудных, коротких, сладко и грустно томивших и домашним уютом, и мечтами то о старине города, то о вольных осенних просторах, видных из него» (с. 64). Конечно же, роман является воспоминанием, извлечением некой информации, однако спрашивает себя и читателя Арсеньев: «...почему именно в этот день и час, именно в эту минуту и по такому пустому поводу впервые в жизни вспыхнуло моё сознание столь ярко, что уже явилась возможность действия памяти?» (с. 7). Трудно себе представить те законы, которые заставляют действовать нашу память, если только это не принуждение сознания, не насилие над ним, не простые усилия, которые мы предпринимает, чтобы запомнить что-либо.

Человек не властен над своей памятью, в его власти лишь воспоминание. Ибо то, что оставит сознание в своих хранилищах, не всегда зависит от человека. Мы можем запоминать что-нибудь специально и часто именно так и поступаем, но события жизни вряд ли кто-либо пытается осознанно «зазубрить». И всё-таки отдельные поступки, события, ощущения память запечатлевает на всю жизнь, а другие стирает. Запоминается, главным образом, то, что нас живо интересует или вызывает в нас сильное и глубокое чувство, а это и формирует нас. В подтверждение наших рассуждений приведём слова Б.В. Аверина: «Вот, например, воспоминание о том, как отец послал мальчика на огород выдернуть редьку, — эпизод, весьма малозначимый. Но память не просто задерживается на нём — она воспроизводит его восторженно, почти экстатически: «Мало было в моей жизни мгновений, равных тому, когда я летел туда по облитым водой бурьянам и, выдернув редьку, жадно куснул ее хвост вместе с синей густой грязью, облепившей его...». Значимым оказывается для памяти не содержательность эпизода, но интенсивность связанного с ним чувственного переживания мира, жизни, земли и «земляной снеди» [2; 654]. В этом высказывании явное противоречие с изначальным посылом о тождестве памяти и воспоминаний. Исследователь говорит о воспоминании, как о «восторженном» воспроизводстве памятью, а о памяти как о хранилище, «задержании» чувственного переживания.

Память являет собой и запоминание, и воспроизведение, и хранение информации, знаний. Вспоминая, не всегда можно восстановить отдельные детали прошедших событий, но память высвобождает недостающие компоненты, хранящиеся в нашем сознании, и восстанавливает целостную картину во всех подробностях. Собственно, здесь и проходит тонкая грань между памятью и воспоминанием. Уместно привести слова Юрия Владимировича Мальцева, высказанные в исследовании жизни и творчества Бунина, где он предупреждает: «Ещё раз надо напомнить о принципиальном отличии воспоминания от памяти» [6].

Воспоминание как процесс отличается от памяти-структуры возможностью интерпретации одного и того же события и описания даже одним и тем же человеком, в зависимости от возраста, временной удалённости от вспоминаемого факта, условий воспоминания и других особенностей извлечения содержимого памяти. Всегда в воспоминании присутствует недостоверность, фактическая неточность, а иногда и умышленное приукрашивание (фантазия, воображение).

Память восстанавливает прошлое в новом осмыслении, так как жизненный опыт меняет свои акценты, устанавливает новое соотношение событий и фактов, представляет их в новом видении. Схемы событий в воспоминании предстают по иному, нередко в новом временном представлении. Схема события может модифицироваться — в ней могут возникать новые предметы и компоненты, образные характеристики и т.п. Последовательность автобиографического времени при этом разрушается, временная длительность уплотняется или расширяется, время может повторяться, переставляться, возвращаться назад или забежать вперед [7]. Бунин в романе «Жизнь Арсеньева» ведёт повествование, не заботясь о последовательности событий и фактов, забегая вперёд и возвращаясь назад.

В разнообразных интерпретациях своего «Я» можно выразить объективное содержание и субъективное представление о них, например, как верно указывает Б.В. Аверин: «Вспоминает в «Жизни Арсеньева» не только пятидесятилетний автор-рассказчик, но также и мальчик, а затем юноша Арсеньев. То и дело повествование сосредоточивается не столько на том, что произошло с Алешей, сколько на его воспоминании о прошед-

шем. Воспоминание воспоминаний – вот особенность поэтики романа» [2; 659].

Уместно привести несколько выдержек из дневника Галины Кузнецовой о времени и обстоятельствах создания романа. Запись от 7 февраля 1928 года: «Весь обратный путь мы говорили о романе, о том, как можно было бы писать его кусками, новым приёмом, пытаясь изобразить то состояние мысли, в котором сливаются настоящее и прошедшее, и живёшь и в том и в другом одновременно» [8]. Выдержка от 28 декабря 1928 года: «– И вообще нет ничего лучше дневника. Как ни описывают Софью Андреевну, в дневнике лучше видно. Тут жизнь как она есть – всего насовано. Нет ничего лучше дневников – всё остальное брехня! Разве можно сказать, что такое жизнь? В ней много намешано... Вот у меня целые десятилетия, которые вспоминать скучно, а ведь были за это время миллионы каких-то мыслей, интересов, планов... Жизнь – это вот когда какая-то муть за Арбатом, вечерет, галки уже по крестам расселись, шуба тяжёлая, калоши... Да что! Вот так бы и написать...» [8; 125-126]. Из приведённых записей видно, что память и скрупулёзное воспроизведение реальности – основы эстетики писателя.

Прошлое, преображённое душой человека, одухотворённые воспоминания, воспроизведённые с необыкновенной полнотой и точностью реальности – это уже не обыденная действительность, а поэтический взгляд на мир. Задача художника, по мысли Бунина, и состоит в преодолении обыденности как четкого разграничения значительного и незначительного. Для героя романа и его автора важен и прекрасен каждый миг жизни, и память закрепляет в сознании чувства и мысли прошедших дней: «ибо, как ни больно, как ни грустно в этом непонятном мире, он всё же прекрасен и нам всё-таки страстно хочется быть счастливыми и любить друг друга...» (с. 83).

1. Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. / В.С. Соловьёв. – М.: Правда, 1989. – Т. 2. – С. 83-84.

2. Аверин Б.В. Жизнь Бунина и жизнь Арсеньева: поэтика воспоминания / Б.В. Аверин // И.А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. – СПб.: Феникс, 2001. – С. 651.

3. *Кучер Е.Н.* Познание познания: когнитивные науки / Е.Н. Кучер // Когнитивный подход: научная монография / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Канон+, 2008. – С. 134.

4. *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева. Рассказы / И.А. Бунин. – М.: Советская Россия, 1991. – С. 6. В дальнейшем ссылки на тексты писателя даются по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

5. *Бердяев Н.А.* Самопознание: опыт философской автобиографии / Н.А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – С. 14

6. *Мальцев Ю.* Жизнь Бунина. 1870 – 1953 / Ю. Мальцев. – Франкфурт-на-Майне: Посев – М.: ИТАР-ТАСС, 1994. – С. 271.

7. *Нюбина Л.М.* Память, воспоминания и текст / Л.М. Нюбина // Известия Смоленского государственного университета. – Смоленск, 2008. – Вып. 4. – С. 12-28.

8. *Кузнецова Г.* Грасский дневник / Г. Кузнецова // И.А. Бунин: pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. – СПб.: Феникс, 2001. – С. 122.